

Всю ночь отважный Ангел был в пути
И непреследуемый, пересек
Равнину беспредельную Небес,
Пока Заре, вращеньем часовым
Разбуженной не довелось открыть
Ворота света розовой рукой.
Близ Трона Господа, в Святой Горе,
Пещера есть, где обитают свет
И мрак попеременно и в черед
Выходят из нее, производя
Приятность различенья в Небесах,
Напоминающую день и ночь.
Едва лишь свет выходит за порог,
Проскальзывает мрак в другой проем,
Чтоб выйти из пещеры в должный срок
И твердь собой облечь, однако тьма
Небесная могла б сойти легко
За полумрак вечерний на Земле,
Теперь же, в вышнем Небе, воссиял
Всем эмпирейским золотом рассвет,
Восточными лучами пронзена,
Ночь от него бежала. Абдиил
Увидел, что равнина перед ним
Необозримая, покрыта вся
Блισταющими ратями не счесть
Сверкающих доспехов, колесниц
И пламенных коней, тысячекратно
Блеск отражался блеском. Он узрел
Войну вполне созревшую, войну
Во всеоружье и постиг, что весть,
С которой торопился в Божий стан,
Здесь ведома уже. К рядам собратьев
Примкнул он радостно и встречен был
Восторгом и хвалой: зане один
Из мириад отпавших не отпал
И Небом не утрачен, воротился.
Рукоплеща, его к Святой Горе,
К Державному Престолу привели,
И некий Голос кроткий с вышины
Из золотого облака воззвал:

"Слуга Господень! Ты благую часть
Избрал, сразился доблестно в борьбе
Прекраснейшей! Противу буйных орд
Мятежных одиноко постоял
За правду, оказалась речь твоя
Сильней, чем их оружие. Ты стерпел,
Свидетельствуя правду бунтарям,
Всеобщее глумленье, что снести
Труднее, чем насилье, но скрепясь,
Ты был одной заботой поглощен,
Пред Ликом Бога праведно предстать,
Хотя б за это целые миры
Сочли тебя преступным. Одержи
Теперь победу легкую, в строю
Собратьев по оружию вернись
К врагам, покрытый славой, много большей,
Чем та хула, которой заклеямен
Ты был, покинув стан бунтовщиков,
И силой нечестивцев обуздай,
Отвергших здравый разум и закон
Разумный не желающих признать
Царем Мессию, что воспринял власть
Ввиду своих достоинств и заслуг

Особенных. Ступай же, Михаил,
Князь воинства Небесного и ты,
Бесстрашный, и по доблести второй,
Воитель Гавриил! Сынов Моих
Ведите в бой, к победе: тьмы и тьмы
Вооруженных, рвущихся на брань,
Моих Святых, они числом равны
Безбожной, возмутившейся орде!
Оружием разите и огнем
Безжалостным, гоните за рубеж
Небес, от Бога и блаженства прочь,
Туда, где ждет их казнь, в бездонный Тартар,
Что бездною пылающей готов
Бунтовщиков низвергнутых пожрать!"
Державный глас умолк и в тот же миг
Густые тучи мглой заволокли
Святую Гору, черный повалил
Клубами дым, исторгнув пламена,
О гневе пробужденном возвестив.
Эфирная, с вершины, из-за туч,
Еще ужасней грянула труба,
И по сигналу этому войска
Всевышнего, произведя маневр,
Сомкнулись в четырехсторонний строй,
Неодолимую образовав
Гигантскую фалангу. Легионы
В блистанье, молча, двинулись вперед
Под музыку, вселявшую в сердца
Геройский пыл за Бога постоять
И за Мессию, возглавляли рать
Вожди богоподобные. Ничто
Походного порядка не могло
Расстроить: ни скалистые хребты,
Ни узкие ущелья, ни леса,
Ни реки, ибо стойкие полки
Над почвой проносились высоко,
Опорю стремительным стопам
Служил послушный воздух. Точно так,
Адам, к тебе летел через Эдем
На крыльях, вереницей, птичий род,
Дабы ты имена им всем нарек.
Так легионы Ангелов неслись
В просторах Неба, много областей
Минув обширных, каждая из них
Десятикратно больше всей Земли.
Внезапно, пламенея вдалеке,
Огнистая явилась полоса,
Полночный опоясав небосклон
Из края в край, как некий ратный стан.
Приблизясь, можно было различить
Лучистый ошетинившийся лес
Бессчетных дротов и сплошную стену
Сплоченных шлемов, множество щитов
С кичливыми гербами, то войска
Соединенные бунтовщиков,
Как буря, под началом Сатаны
Спешили, помышляя в тот же день
Святую Гору захватить врасплох
Иль в битве покорить и на Престол
Господень самозванца возвести,
Завистника, что нагло притязал
На Царство Божье. Но на полпути
Пустою оказалась их мечта,
Хоть странным представлялось нам сперва

Сраженье Ангелов между собой,
Неистовая, дикая вражда
Тех самых Ангелов, что так нередко,
На празднествах блаженства и любви,
Согласным хором пели гимны в честь
Великого Монарха, как сыны
Единого, Небесного Отца.
Но вот раздался боевой призыв,
И приступа многоголосый вопль
Все мирные раздумья заглушил.

На колеснице солнечной, как бог,
Отступник, превышая всех своих,
Величье идольское воплощал,
Отрядом Херувимов окружен
Горящих и оградой золотых
Щитов, но вот он с пышного сошел
Престола, оба воинства теперь
Лишь малой полосой разделены
(Ужасный промежуток!) и ряды
Враждебных армий, противостоя
Одни другим, образовали фронт
Свирепый, устрашающей длины.
Пред сумрачным полком передовым,
Пока побоище не началось,
Широким, гордым шагом, в золотых
Доспехах и алмазных, Сатана
Прошел, гигантской уподобясь башне.
Нет! Зрелища такого Абдиил
Не мог снести. Среди храбрейших он
Воителей стоял и был готов
К деяниям геройским. Поверял
Свое он сердце доблестное так:

"О Небо! Сколь похож на божество
Презревший верность и забывший долг.
Зачем не изменяют сила, власть
Предателю, что изменил добру,
И дерзкий не становится всегда
Слабейшим, хоть на вид неодолим?
Но с помощью Всесильного хочу
Я ныне силу испытать Врага,
Как прежде в словопренье испытал
Его порочный, лицемерный ум.
Не должно ли, чтоб одержавший верх,
В словесной битве правду отстояв,
Вдобавок и оружием победил,
И в двух сраженьях одержал победу?
Хотя постыдна и дика борьба
Меж разумом и силой, тем верней,
Тем справедливей разума успех!"

Размыслясь, Абдиил покинул ряд
Соратников и выступил вперед,
Он встретился на полпути с Врагом
Отважным, разъярившимся вдвойне,
Поскольку осознал, что упрежден
Противником, но стойкий Серафим
На бой бесстрашно вызвал Сатану:
"Гордец! Не ты ли встречен? Возмечтал
Ты, без препон, желанным овладеть,
Застать неохранным Божий Трон,
Покинутым из страха пред твоим
Оружием иль могуществом речей

Твоих. Как не помыслил ты, глупец,
Сколь безрассудно угрожать мечом
Всесильному, который может вмиг,
Создав неисчислимы войска
Из крох наимельчайших, одолеть
Твое безумье или мановеньем
Десницы вседостижной, без нужды
В помощи, самолично, в бездну тьмы
Тебя, с твоими ордами, швырнуть!
Но путь измены выбрали не все,
Нашлись такие, что любовь к Творцу
И верность предпочли не ведал ты
О них, вообразив, что я один
Среди твоих сторонников неправ.
Сочти, сколь многие со мной делить
Неправоту готовы, и пойми,
Хоть поздно, что немногие порой
Глаголят правду, тысячи, напротив,
Способны в заблуждениях погрязть!"

Презрительно скосясь, Великий Враг
Ответствовал: "Ты на свою беду
Вернулся из побега в жданный час
Отмщенья моего. Тебя искал,
О Дух крамольный, прежде всех, прими
Заслуженную плату, испытай
Ты первым силу мышц моей руки,
Тобою раздраженной. Твой язык
Дерзнул, противоречьем вдохновен,
Оспорить на собранье треть богов,
Отстаивающих права свои
Божественные: ведь пока жива
Их божеская суть, они признать
Не могут Всемогущим никого.
Но ты сообщников опередил,
Тщеславясь вырвать перья у меня
И о моем разгроме объявить
Деяньем этим. Малость погожу
Для возраженья (чтоб не хвастал ты,
Что я тебе ответить не сумел).
Для Ангелов, я полагал, свобода
И Небо нераздельны, но теперь
Я вижу, что довольное число,
Воспитанных на песнях и пирах
Угодников, холопство предпочли.
Вот этих-то небесных певунов
Подобострастных ты вооружил,
Свободу хочешь рабством сокрушить.
Что ж! День текущий их дела сравнит!"

В ответ сурово молвил Абдиил:
"Отступник, заблуждаешься ты вновь
И станешь заблуждаться без конца,
Утратив правый путь. Ты зря клеймишь
Холопством услужение Тому,
Кто Богом и Природой утвержден,
Как наш Глава. Природа и Господь
Один закон гласят: повелевать
Достоин Тот, кто подданных превысил
Достоинством. Но истинное рабство
Служить безумцу или бунтарю,
Который на Владыку восстает,
Его превосходящего во всем,
Как служат соучастники тебе.

Ты раб, ты сам себе порабощен
И смеешь службу нашу поносить!
Владычье в Аду, там княжество твое,
А мне Творцу на Небе дай служить
Преславному, блюсти Его. завет
Божественный, достойный послушанья.
Тебя не трон оковы ждут в Аду.
Пока от беглеца, как ты сказал,
Вернувшегося получай привет
На твой нечестьем оскверненный шлем!"

Промолвив, замахнулся и удар
Прекрасный не замедлил и как шквал
Обрушился на гордый шлем Врага
С таким проворством, что ни взгляд, ни мысль
Мгновенностью его б не превзошли,
Ни щит не отразил бы. Сатана
На десять ужасающих шагов
Отпрянул, на десятом, у него
Колено подломилось, он припал,
Но удержался, опершись на дрот
Огромный. Так, подземная вода
И ветер, сквозь глубинные пласты
Порой себе прокладывая путь,
Сдвигают с места гору и она
Со всеми елями и сосняком
Полупроваливается. Престолы
Мятежные, завидев, что сражен
Из них сильнейший, в бешенство пришли
И в изумленье. Наши в торжестве
Издали клич победный, возвестив
Желанье скорой битвы. Михаил
Архангельской фанfare повелел
Трубить, все Небо этот звук объял,
Тогда вскричали верные войска:
"Всевышнему осанна!" вражья рать,
Не медля, столь же грозная, пошла
В атаку, битва завязалась вмиг,
Подобно буре бешеной и вопль,
Неслыханный доселе, огласил
Все Небо, ударяя о броню,
Оружье издавало звон и лязг,
Нестройный, оглушающий раскат;
Скрипели оси медных колесниц
Неистово и в трепет приводил
Побоища невыносимый гул.
Пронзительно свистя над головой,
Летели тучи раскаленных стрел,
Над полем битвы свод образовав
Горящий, и под куполом огня,
С напором разрушительным, войска
Сражались, друг на друга устремясь,
Неистошмой злобою кипя.
От грома содрогались Небеса,
Была б Земля уже сотворена,
Она б до центра сотряслась! Не диво!
Сшибались миллионные когорты
Свирепых Ангелов, из коих мог
Слабейший все стихии подчинить
И обратить в оружие свое,
Насколько ж совокупная грозней
Неисчислимых сонмов этих мощь,
Способная, стократ раздув пожар
Войны губительной, хоть не совсем

Разрушить Небо их блаженный край
Родной, но разорить его вконец.
Однако Вечный Всемогущий Царь
Вселенной, властвующий с вышины,
Им силы поубавил. Все ж число
Сражающихся было таково,
Что армии равнялся легион,
А легиону воин. Каждый вождь
Был воином, а воин был вождем,
И каждый знал когда идти вперед,
Когда остановиться и когда
Сомкнуть иль разомкнуть подвижный строй
По ходу битвы яростной. Никто
Не помышлял бежать иль отступить,
Не обличало страха ни одно
Деянье, полагался на себя
Любой, как будто лишь в его руках
Ключи победы. Славные навечно
Свершались подвиги им счета нет,
Столь широко разбушевался бой
Многообразный: то на твердой почве
Рубились пешими, то на крылах
Взвивались мощных, воздух расплескав,
И весь уподоблялся он огням
Сражающимся. Битва долгий срок
Без перевеса длилась, до тех пор,
Пока, невиданное оказав
Геройство и подобного по силам
Соперника не встретив, Сатана
Пробился сквозь побоище, как вихрь,
Меж Серафимов, что свои ряды
Смешали в лютой сече и узрел,
Как Михаил разит мечом огромным,
Единым взмахом целые полки,
И смертоносный, обоюдоострый,
Двумя руками поднятый клинок
Обрушивается и все вокруг
Опустошает. Сатана, спеша
Погибель отвратить, подставил щит
Неразрушимый, исполинский диск,
Покрытый адамантовой броней
Десятислойной. Ратный труд прервал
Архангел, заприметивший Врага,
Он радостно надеялся войну
Междоусобную Сынов Небес
Немедленно покончить, одолев
Зачинщика и протащить в цепях
Пленного. С пылающим лицом,
Сурово брови сдвинув, он вскричал:

"Виновник Зла, безвестного досель
На Небе и до бунта твоего
Неведомого даже по названью,
А ныне изобильного! Взгляни
На беды ненавистной всем борьбы,
Которые по праву на тебя
И на твоих сообщников падут
Безмерно тяжело! Как ты возмог
Нарушить благодатный мир Небес,
Злосчастие в Природу привнести,
Не бытовавшее до мятежа
Преступного! Как заразить дерзнул
Своею злобой тысячи других,
Когда-то верных, чистых, а теперь

Запятнанных изменой! Не мечтай
Расстроить бунтом наш святой покой.
Тебя изгонят Небеса, приют
Блаженный не потерпит мрачных дел
Насилья и войны. Изыди в Ад,
И да изыдет заодно с тобой,
В обитель Зла, твое исчадьё Зло,
И вся твоя бесчестная орда!
Там смуту сей, покуда этот меч
Карающий твою не начал казнь
Иль месть, которой дал Господь крыла,
Внезапная, иная ниспадет,
Тебя низвергнув, для горчайших мук!"

Так молвил Князь Небесных сил, ему
Противник прекословил: "Ты не тщишь
Угроз воздушных ветром испугать
Того, кому деяния твои
Не страшны: разве в бегство обратил
Ты из моих бойцов хоть одного,
Слабейшего? И разве тот, кто пал,
Непобежденным не вставал опять?
Неужли проще справиться со мной,
Властолюбивый, с помощью угроз
И повелений? Зря не уповай!
Не этим завершится ратный спор,
Который бедоносным ты честишь,
А мы считаем славным. Наша цель
Достичь победы, или Небо в Ад,
Измышленный тобой, мы превратим;
Коль нам не царствовать, мы будем здесь,
По крайней мере, вольными. Напружь
Всю мощь и на помощь призови
Всесильного, как ты Его зовешь.
Не отступлю, тебя-то я искал
Повсюду издалека и вблизи!"

Умолкли, несказанный бой начать
Готовясь, даже ангельский язык
Слов не найдет, чтоб рассказать о нем,
С каким земным событием сыскать
Сопоставленье, чтоб на высоту
Богopodobной мощи вознести
Понятие людское? Два врага,
В покое ли, в движении, равны,
Оружьем, видом, поступью, богам,
Достойным предопределять судьбу
Небесного владычества. Мечи
Взмахнулись пламенные, описав
Ужасные окружности, щиты,
Друг против друга, блещут и слепят,
Как два огромных солнца. Ожиданье
Застыло в страхе. Обе стороны
Ожесточенных Духов, только что
Сражавшихся несметною толпой,
Освободили, спешно отступив,
Обширную равнину, ибо вихрь
Единоборства этого для них
Небезопасен. Поединок был,
Насколько при посредстве малых дел
Великое возможно описать,
Как если бы гармония Природы
Расстроилась и вспыхнула война
Созвездий и под гнетом грозных сил,

Навстречу обоюдно устремясь,
Две злобные планеты, средь Небес,
Сразились, в битве яростной смесив
Материю своих враждебных сфер.

Противники десницы вознесли,
Мощнейшие на Небе, после рук
Всемощного и каждый помышлял
Одним ударом завершить борьбу,
Не повторив убийственный замах.
Ни силой, ни искусством боевым
Они не различались, но двуручный.
Меч Михаила, выданный ему
Из Божьей оружейной, обладал
Таким закалом, что клинки любые,
Любые латы рассекал легко.
Стремительно упав, он меч Врага
Перерубил и быстро обратись,
Вонзился и рассек весь правый бок
Отступника. Впервые Сатана
Изведал боль, от нестерпимых мук
Он изогнулся в корчах, уязвлен
Отверстой раной, что ему нанес
Разящий меч, но тут же ткань срослась
Эфирная, разъятой не дано
Ей оставаться долго, из рубца
Нектарной влаги хлынула струя
Пурпурная, Небесных Духов кровь,
Блестящие доспехи запятнав.
Примчалось много Ангелов к нему,
Клевретов сильных, чтобы заслонить
Владыку, а другие на щиты
Поспешно взгромоздили Сатану
И к царской колеснице отнесли,
Стоявшей от сраженья вдалеке,
И на нее сложили. Он стонал
От скорби, озлобленья и стыда
И скрежетал зубами, осознав,
Что несравненным дольше полагать
Себя не вправе, что былая спесь
Его, соперничавшего с Творцом,
Унижена, однако исцелел
Он вскоре, ибо Ангельский состав
Во всех частях единой наделен
Живучестью, в отличие от людей,
У коих печень, легкие, нутро,
Равно как сердце, почки, голова,
Ранимы насмерть. Духов же убить
Нельзя не уничтожив целиком,
Смертельным уязвленьям их тела
Текучие не более чем воздух
Подвержены, их жизненная суть
Вся голова, вся сердце, вся глаза,
Вся уши, вся сознание, вся ум,
Они любые члены для себя
Создать способны и любой размер,
Обличие любое, всякий цвет,
И плотный и разреженный состав
По изволенью могут принимать.

Меж тем свершались и в иных местах
Преславные деянья: Гавриил
Со всей своею ратью вторгся в строй
Когорт Молоха, этот ярый царь

Его на поединок вызывал,
За колесницей поволочь грозясь
Привязанного и гласил худу,
Не пощадив кощунным языком
Единобо, кто свят на Небесах,
Но вдруг, преполовиненный мечом
До пояса и яростно рыча
От боли не испытанной досель,
Пустился в бег в расколотовой броне.
На флангах Уриил и Рафаил,
Сразившись каждый со своим врагом,
Сломили Асмодея, вкупе с ним
Адрамелеха, эти два Престола
Могучие отвергли даже мысль
Считаться рангом ниже Божества,
Но панцири из адамантных скал
И сила исполинская спасти
Безумцев от разгрома не могли,
Кольчугам и щитам не удалось
Увечья тяжкие предотвратить,
Изнемогая от ужасных ран,
Смиренью научились беглецы.
Не мешкал Абдиил, громя орду
Безбожную, двойным его ударом
Был Ариил сражен и Ариох,
Он Рамиила буйство укротил,
Обжег и пораженного, поверг.

Я мог бы тысячи других имен
Бессмертно возвеличить на Земле,
Но Ангелам избранникам хвалы
Людской не надо, тешатся они
Небесной славой. Хоть бойцы Врага,
Могущество и мужество явив
Отменные, желали бы достичь
Не меньшей ратной славы, но навек
Божественный изгладил приговор
Их прозвища из памяти священной,
Да безымянные живут во тьме
Забвенья, ибо сила, изменив
Законности и правде, лишь стыда
Достойна и укора не снискать
Ей лавров, как ни алчет обрести
Бесчестьем славу, низостью хвалу.
Пускай же их прозванья навсегда
Безмолвье нерушимое пожрет.

Вот сломлены сильнейшие из них,
Отходит войско, разъединено
На множество частей, его объял
Постыдный беспорядок, смутный страх
Разгрома. Вся усеяна равнина
Обломками оружия и брони,
И опрокинутые колесницы
С возничими, с упряжками коней
Огнистых другна друге, как пришлось,
Лежали грудями, а те, кто мог
В разбитых легионах Сатаны
Еще держаться, обратили тыл,
Едва сопротивляясь. Бледный страх
Врагов объял, он в первый раз настиг
Строптивых, что почувствовали боль
Впервые и бесславно, в первый раз
Бежали. Эти беды навлекла

Ослушливость греховная на тех,
Кто страха не знавал до сей поры,
Ни бегства, ни страданий. Рать святых,
Напротив, неприступною сплетясь
Квадратною фалангой, шла вперед,
Неуязвима под прикрытием лат
Несокрушимых. Этот перевес
Послушная безгрешность им дала,
Дозволила в бою не изнемочь
И боли не испытывать, хотя
Противник временами их теснил.
Вот Ночь вступила на свою стезю,
Объяла темнотою небосвод,
Сражение милосердно прекратив.
Зловещий гул побоища затих,
И победителей укрыла мгла,
Равно как побежденных. Михаил
И Ангельская рать разбили стан
Средь поля, взвихренные пламена
Расставив Херувимские охраной
Вокруг шатров. Со стороны другой,
С мятежным войском, Сатана ушел
В далекий мрак... Покоя нет Врагу!
Средь ночи созывает он Совет
Своих Князей, отважно молвив так:

"Испытанные пламенем войны
Собратья, доказавшие вполне
Своей неодолимостью, что вы
Не только лишь свободу обрести
Достойны, это малость, но и честь,
Главенство, прославление и почет,
Все то, чего мы алчем. Целый день
Держались вы в сомнительной борьбе,
А если день возможно устоять,
То почему не вечно? Царь Небес
С Престола горнего, противу нас
Послав сильнейших, меру эту счел
Достаточной, чтоб нас поработить.
Но так не стало. Кажется, Господь
В предвиденье не столь непогрешим,
Хотя Всеведущим Его досель
Считали. Мы оружием послабей,
А посему потери понесли
Известные, почувствовали боль
Впервые, но страданьем пренебречь
Немедля научились и сейчас
Мы знаем, что эфирный наш состав
Не может быть смертельно уязвлен,
Раненья, нанесенные ему,
Он исцеляет вмиг благодаря
Врожденным силам. От ничтожных бед
Лекарство подходящее найти
Не трудно. Может, новую броню,
Прочнее прежней, новое оружие,
Мощнее прежнего, мы создадим,
На пользу нам, противнику на зло,
Боеспособность нашу укрепив,
Сравняем силы, на худой конец,
Ведь естество у нас и у врагов
Одно и то же. Если ж по иным,
Безвестным основаниям, у них
Над нами перевес, то мы должны,
Пока рассудок нам не изменил,

Открыть причины эти сообща
И наше здравомыслие напярчь!"

Умолк и первым слово взял Нисрох,
Глава Начал, он вырвался едва
Из тяжелой битвы, мрачен, изнурен,
В разбитых, непригодных ни к чему
Доспехах, с мрачным видом возразил:

"Ты нас от новоявленных владык
Избавил, ты свободу нам вернул
Блаженствовать в сознание наших прав
Божественных, но даже божествам,
Оружием неравным, против сил
Превосходящих, трудно воевать,
От боли изводясь, когда страданий
Не ощущают недруги ничуть
И не ранимы. Это приведет
Нас к верной гибели. Какой же прок
От мужества, отваги, силы мышц,
Хотя и несравненных, если боль
Их побеждает, подчинив себе,
И понуждает руки опустить
Могучие? Мы можем обойтись
Без наслаждений, можем просто жить
И не роптать, довольствуясь такой
Спокойной жизнью, лучшей доли нет!
Но из несчастий боль превыше всех,
Зло совершенное и становясь
Чрезмерной, переходит за предел
Долготерпенья всякого и тот,
Кто средство изобрел бы уязвлять
Противников, доселе невредимых,
И сделать нечувствительными нас,
Не меньшей бы достоин был хвалы,
Чем тот, кто нам свободу даровал!"

Ответствовал спокойно Сатана:
"Искомый способ, что послужит нам,
По здравому суждению твоему,
Для одоленья мной уже открыт.
Когда мы на опору наших стоп
Эфирную, цветистую глядим,
На безграничный материк Небес,
Весь в самоцветах, в золоте, в цветах
Амврозийных, в деревьях плодоносных,
Кто созерцал бы эту красоту
Поверхностно и сразу б не смекнул,
Что в недрах зарождается она
Глубинных, из частичек вещества,
Из черных, грубых зерен и семян,
В духообразной пене огневой
Возникших? Но едва небесный луч
Коснется их, смягчив и оживив,
Они, пробившись вверх, во всей красе
Волшебно расцветают на свету.
Вот эти-то частицы, что огнем
Насыщены подспудным, нам достать
Потребно из глубоких, мрачных недр,
Забить потуже в длинные стволы,
Округлые и полные, поджечь
С отверстия другого и тогда,
От малой искры, вещество частиц,
Мгновенно вспыхнув и загрохотав,

Расширится и развивая мощь
Огромную, метнет издалека
Снаряды, полные такого зла,
Что, все сметая на своем пути,
Повергнут недругов и разорвут
На клочья. Померещится врагам
Испуганным, что нами грозный гром
Похищен у Того, Кто им владел
Единственно. Недолгим будет труд
И пред рассветом завершен сполна.
И так, мужайтесь, поборите страх.
Способен все препоны одолеть
Союз ума и силы. Нет причин,
Соратники, в отчаянье впадать!"

Он смолк. Приободрила эта речь
Отвагу ослабелую и вновь
Надежды угасавшие зажгла.
Дивился каждый помыслу Вождя,
Равно тому, что не придумал сам
Подобный способ, многим бы казался
Он прежде невозможным, но теперь
Сочтен разумным. Может быть, Адам,
Из твоего потомства, кто-нибудь,
Когда в грядущем злоба возрастет,
По наущенью Дьявола создаст
Такое же орудье, на беду
И муку человеческим сынам
Греховным, жаждущим кровавых войн
И обоюдного братоубийства.
Покинув сходку, все к труду спешат,
Никто не медлит, рук не сосчитать,
Готовых действовать. В единый миг
Разрыта почва Неба до глубин
Безмерных, там увидели они
Незрелые зачатки правеществ
Природных, пену серную нашли,
Селитрянную пену и смешав,
Хитро сгустили, высушили смесь,
И в черное преобразив зерно,
Нагромодили целые холмы.
Другие вскрыли залежи руды
(Здесь, на Земле, такие точно есть)
И жилы минералов и камней,
Чтоб громовержущие отковать
Машины и отлить запасы ядер
Губительных, а третьи тростники
Горючие срезают страшный злак,
От искры вспыхивающий мгновенно.
Так, в тайне величайшей, до зари
Работа завершилась. Только Ночь
Была свидетельницей. В тишине
Они опять порядок навели,
Ни в чем не заподозрены никем.

Вот озарен с востока небосвод,
Проснулись победители, труба
Зовет к оружию. Быстро собрались
Воители в доспехах золотых,
Построясь в лучезарные ряды,
Другие с рассветающих холмов
Окрестность озирают, а другие,
Легко вооруженные, спешат
В разведку, разойдясь во все концы,

Чтоб выследить бежавшего врага
И точно вызнать: где его привал,
Стоит ли враг иль будет наступать?
Но вскоре углядели впереди
Войска противника, когорты шли
Не быстро, но решительно, сомкнув
Шеренги и знамена распустив.
Летит назад крылатый Зофиил,
Наибыстрейший Херувим, крича:
"В бой, ратоборцы, в бой! Враг у ворот,
И не бежал, как полагали мы,
Напротив, от нелегкого труда
Искать его он увольняет нас.
Не бойтесь! Отступить его полки
Не думают, но движутся сюда,
Подобно туче, лица их бойцов
Отважны и уверенны. Скорей!
Проверьте скрепы адамантных лат,
Плотней надвиньте шлемы и подняв
Над головой округлые щиты
Иль опустив до уровня груди,
Держите их надежно! Мыслю я
Не дождик морозящий окропит
Сегодня нас, но хлынет грозовой
Разящий ливень огнеперых стрел!"

Так он соратников остерегал,
Что сами не плошали, соблюдая
Спокойствие, обозы позади
Оставив, легионы подтянулись
И тронулись в порядке боевом.
Навстречу им, ступая тяжело,
Сплоченным полчищем неисчислимым
Идут противники, образовав
Квадратный строй, коварно волоча
Машины дьявольские посреди
Полков пехотных и со всех сторон
Рядами всадников загородив.
Друг против друга армии сперва
Остановились. Мигом Сатана
Явился перед воинством своим
И громозвучно-внятно возгласил:

"Направо и налево, первый ряд,
Раздайся! Ненавидящие нас
Да узрят, как мы с ними заключить
Стремимся мир, как мы хотим, прийти
К согласию, как рады их принять
С открытой грудью, если наш призыв
Не отклонят, спиной оборотясь!
Но сомневаюсь. Пусть же Небеса
Свидетельствуют! Небеса беру
Порукою, сколь искренне сердца
Мы облегчаем. Слушайте приказ,
Воители, назначенные мной.
Настало время действовать! Чуть-чуть
Коснитесь ваших мирных предложений,
Да так, чтоб вас могли услышать все!"

Глумливую, двусмысленную речь
Едва он кончил, на две стороны
Фронт расступился, к флангам отошел,
Невиданное зрелище открыв
И странное: пред нами, в три ряда,

Поставленные на колесный ход,
Лежали исполинские столпы,
По виду из железа или меди
И камня. Это более всего
Напоминало три ряда стволов
Сосны и дуба, срубленных в горах,
Очищенных от сучьев и ветвей
И выдолбленных, если б не жерло
Отверстое, разинувшее пасть
Из каждого ствола зловещий знак
Пустого перемирия. Стоял
За каждым Серафим, держа в руке
Горящую тростину. Изумясь,
Гадали мы, увы, недолго. Вдруг
Они тростины протянули разом
И прикоснулись к маленьким щелям,
Пробитым в комлях дьявольских махин.
Мгновенно Небо заревом зажглось
И тотчас потемнело от клубов
Густого дыма из глубоких жерл,
Что диким ревом воздух сотрясли,
Его раздрали недра и гремя,
Рыгнули адским пламенем и градом
Железных ядер и цепями молний,
И необорно, точный взяв прицел
На противостоящие войска,
Сразили победителей с таким
Неистовством, что ни один герой,
Державшийся доселе как скала,
Не в силах был остаться на ногах.
Десятки тысяч падали вповал,
Архангелы и Ангелы, напасть
Усугублялась от тяжелых лат,
Когда бы не доспехи, каждый Дух
Избегнул бы ударов, уклонясь
Иль сократись в размере, но теперь
Они в смятенье. Надо отступать,
Бежать позорно. Свой стесненный строй
Бойцы напрасно тщились разомкнуть.
Что делать? Устремиться напролом?
Но с поношеньем их отбросят вновь,
Повергнут и глумливо осмеют.
Уже во вражьем стане новый ряд
Стоит, готовый дать очередной
Залп громовой. Но обратиться вспять,
Бесславно поражение претерпев,
Вот что страшило более всего!
Разгром врагов предвидя. Сатана
С насмешкою воззвал к своим войскам:
"Друзья! Что ж победитель к нам нейдет
Надменный? Он так чванно выступал,
Когда же мы, открыв чело и грудь,
Возможно ль было большее свершить?
Условьями осыпали врагов
Миролюбивыми, они бегут
Невесть куда, кривляются вприпрыжку,
Как будто вознамерились плясать,
Хоть странные и дикие скачки
Для пляски непристойны. Может быть,
Их миролюбие наше веселит?
Придется предложенье повторить,
Авось придут к согласию быстрее!"
Ответил столь же колко Велиал:
"О Вождь! Целенаправленны, тверды,

Весомы предложенья паши. Знать,
Пришлись они по вкусу, а иных
И поразили. Кто же прямо в лоб
Заполучил их, тот уразумел
Всем существом, от головы до пят.
А если и не поняты дары,
По крайности, хоть показали нам
Врагов, хромающих на четвереньках!"

Так изгалялись оба меж собой,
Куражились, победу возомнив
Заведомой, надеясь без труда,
Посредством хитрой выдумки своей,
Сравняться с Вечной Силой. Гордецы
Презрели Божий гром и Божью рать,
Пока она стояла, смущена,
Недолго, впрочем, ей прибавил гнев
Решимости, оружие открыл,
Способное бороться с адским злом,
Заметь, какую мощь ей придал Бог
И превосходство! Ангелы спешат
Быстрее молний, мчатся, побросав
Доспехи, к окружающим горам
(Чередование долин и гор
Приятное Земля переняла
У Неба) и в основах расшатав,
Срывают, за косматые схватясь
Вершины, поднимают заодно
С громадою всего, что есть на них,
С утесами, лесами и ручьями,
И на врагов несут. Вообрази
Мятежных Духов изумленье, страх,
Узревших горы, что на них летят
Вверх основаньями и грохоча,
Обрушиваются на три ряда
Стволов проклятых! Этот страшный груз
Все упованья их похоронил,
Затем настал черед бунтовщиков,
Холмы и горы, скальные кряжи
На них свалились, воздух затемнив,
И целые когорты погребли.
Доспехи только множили беду,
Вонзаясь в плоть, терзая и тесня,
Невыносимую чинили боль.
Страдальцы вопияли и стремясь
Отбросить гнет, метались, извивались,
Чтоб выбраться на волю из тюрьмы.
Мятежники хотя и Духи света
Чистейшего, но вследствие греха
Их естество померкло, огрубев.
Подобно нам, другие применили
Такое же оружие, оторвав
От оснований ближние хребты,
Швыряемые яро с двух сторон,
Сшибались горы в воздухе, внизу,
Под страшной сенью гор, как под землей,
Во мраке длилась битва. Адский шум!
В сравненье с этой битвою война
Забавой показалась бы. Одно
Ужасное крушенье на другое
Нагромождалось, Небеса вот-вот
Обрушатся, в руины обратись,
Когда б не всемогущий Бог-Отец,
В незыблемом святилище своем,

Исчислив и обмыслив ход вещей,
Задолго не прозрел бы этот бой
И попустил его, осуществив
Решение великое, почтить
Помазанного Сына и облечь
Своею мощью, поручив Ему
Отмщенье бунтарям. Всевышний Царь
К Мессии сопрестольному воззвал:

"Сиянье славы Божеской Моей,
Возлюбленный Мой Сын! Ты зримый лик
Незримого Творца, Твоя рука
Вершит Мои определенья, Ты
Второе всемогущество! Два дня
По счету дней небесных протекли,
Как Михаил и верные войска
Предприняли карательный поход
Противу непокорных. Был свиреп
Двухдневный бой, не диво, коль сошлись
Такие недруги: самим себе
Я предоставил их, сотворены
Они друг другу равными вполне,
Различье - лишь в греховности, оно
До срока не проявлено, пока
Мой приговор отложен. Эта брань
Способна длиться до конца веков,
Но попусту, вотще. Все, что могла,
Свершила утомленная война,
Неукротимой ярости бразды
Ослабила, горами ополчась
Взамен оружия. Дикие дела
Свершаются на Небе и грозят
Вселенской гибелью. Два дня прошли,
Но третий Твой! Тебе определил
Я этот день, терпел до сей поры,
Чтоб слава окончания борьбы
Твоя была, побоищу предел
Единый Ты можешь положить:
Такую благодать и такую мощь
Я влил в Тебя, что Небеса и Ад
Признают несравненное Твое
Могущество. Я этот гнусный бунт
Направил так, чтоб Ты себя явил
Наследником достойным и Царем
Помазанным, по праву и заслугам.
Гряди, всесильный силою Отца,
Воссядь на колесницу и направь
Колеса быстрые, чтоб содроглись
Опоры Неба! Все Мои возьми
Доспехи: стрелы молний, грозный гром
Оружие победы, препояшь
Мечом бедро могучее! Гони
Исчадья тьмы за рубежи Небес,
Низвергни в глубочайшую из бездн,
Да ведают, коль сами так желали,
Как Бога отвергать и как Царя
Законного Мессию презирать!"

Он рек, впрямую Сына озарил
Всею лучезарностью; всецело Сын
Отца сиянье ликом восприял
Невыразимо и Отцу в ответ
Сыновнее сказало Божество:

"Отец! Главенствующий в Небесах
Престол! Святейший, Вышний, Лучший, Первый!
Ты жаждешь Сына вечно прославлять,
А Я Тебя, как подобает Мне
Воистину. Мои блаженство, честь
И торжество Я полагаю в том,
Что, благосклонный к Сыну, поручил
Твое веленье Мне осуществить,
Творя Господню волю, счастлив Я
Превыше меры. Царский сан и власть,
Дары Твои, приемлю, но отдам
Еще охотнее, когда в конце
Ты будешь Вс? во Вс?м, а Я в Тебе,
Во Мне же все, кого Ты возлюбил.
Но ненавижу ненавистных Богу!
Я образ Твой и гневом облекусь
Твоим, равно как милостью Твоей,
Могуществом Твоим вооружась,
Очищу Небо от бунтовщиков,
Низвергну в уготованное им
Угрюмое жилье, где цепи тьмы
Их изнурят, где станет их точить
Бессмертный червь за то, что отреклись
От послушанья, должного Тебе,
В котором счастье высшее. Тогда,
От нечестивых орд ограждены,
Все праведные, вокруг Святой Горы
Собравшись, непритворно воспоют:
"Осанна, аллилуйя", во главе
Со Мной, провозгласив Тебе хвалу!"
Так, опершись на скипетр, молвил Сын,
С Престола высочайшего сойдя,
Где одесную Славы восседал.
Священный третий заалел рассвет,
И Колесница Божества Отца
В густом огне, как буря, понеслась,
Не силою колес, одно в другом
Вмещавшихся, но движимая Духом,
Ее сопровождая, по углам
Четыре следовали Херувима
Четвероликих, словно роем звезд,
Усеяны их крылья и тела
Очами и берилловых колес
Ободья, сплошь в очах, металы огонь.
Над Херувимами хрустальный свод,
Подобный Небу, высился, на нем
Престол сапфирный, амброй испещрен
И всей расцветкой радуги дождливой.
Мессия на престоле восседал
Во всеоружье горнем и в броне
Лучистого Урима мастерства
Божественного. Справа от Него
Орлиные расправила крыла
Победа, у бедра могучий лук
Сосеждествовал с колчаном, полным стрел
Трехзубых молний, клокотал окрест
Разящий пламень и клубился дым,
И разлетались тучи жгучих искр.
Десятки тысяч тысячей Святых
Сопровождали Сына, яркий блеск
О шествии дал? кой возвещал,
И двадцать тысяч (о таком числе
Мне ведомо) Господних колесниц,
По десять тысяч с каждой стороны,

Катились рядом с Ним. Так Сын летел,
Крылами Херувимскими влеком,
Воссев на Свой сапфировый престол,
Поправ стопами свод из хрусталя,
Сиянье излучая вдаль и вширь.
Его узрела первой наша рать,
И радости нечаянной восторг
Объял сердца, когда великий стяг
Мессии разблистался в вышине,
Его прибытья знак на Небесах,
Несомый Ангелами. Все войска
Под знамя это Михаил отвел
С обоих флангов, их соединил
И передал Державному Вождю.
Божественная расчищала мощь
Дорогу Сыну. Он велел горам
Отторгнутым вернуться на места
Повиновались горы, прежний вид
Восстановило Небо, вновь цветы
На долах улыбаются и холмах.

Свершилось это чудо на глазах
Врагов злосчастных, но они, коснеть
В упорстве продолжая, собрались
Объединенной ратью, чтобы вновь
Мятежный бой безумные! Начать,
В отчаянье надежду почерпнув.
Возможно ли настолько исказиться
Небесным Духам? Знаменьем каким
Гордец надменный был бы убежден?
Какое чудо в силах умягчить
В упрямстве очерствелые сердца?
Все то, что безрассудных остеречь
Должно ожесточило их вдвойне,
И славу Сына Божия узрев,
Ужаленные завистью, враги
Ярятся пуще, алча высоты
Достичь такой же, с гордостью стоят,
Готовясь к новой битве и в мечтах
Решив Отца и Сына одолеть
Не силой, так лукавством, если ж нет,
Погибнуть поголовно в мировом,
Всеобщем, окончательном крушенье.
Так, отвергая бегство и отход
Постыдный, двинулись бунтовщики
Вперед в последний бой, тогда воззвал
Сын Божий к флангам подчиненных войск:

"Святые! Сохраняйте строй блестящий!
Вы, Ангелы, от битвы опочив,
Останьтесь при оружьи на местах!
Угоден был Творцу ваш ратный труд,
За правое, доверенное вам
Господне дело бились до конца,
С победоносной доблестью. Но длань
Иная наказанье довершит
Проклятых орд. Единый мститель Бог
Иль Тот, кому отмщенье поручил.
Не множеством великим, не числом
Сегодня будет осуществлена
Их казнь. В покое стойте и глядите,
Как чрез Меня прольется Божий гнев
На нечестивцев. Нет, не вас Меня
Возненавидев, завистью кипят

Они ко Мне, за то, что Мой Отец,
Которому вовек на Небесах
Присущи царство, слава, сила, власть,
Меня изволил милостью почтить
И предоставил Сыну приговор
Исполнить Свой. Да сбудется судьба
По их желанью: силами в бою
Помериться и вызнать кто сильней:
Они ли совокупно или Сын
Противу всех. Мерилом только силу
Они избрали, прочих не ища
Достоинств и Тому, кто их затмил
Достоинством, в почтение отказав.
Пускай же сила наш решает спор;
Не удостою их ничем иным!"

Так молвил Сын и лик переменил
Столь страшно и сурово, что стерпеть
Невыносимо взору, на врагов
Он обратился, преисполнясь гнева
Карающего. Звездные крыла
Четыре Херувима распустили,
Бросая тень зловещую вокруг.
Колеса колесницы боевой
Внезапно завертелись, грохоча,
Казалось, это гул бегучих вод
Иль топот ног неисчислимых войск.
На нечестивцев, мрачный, словно ночь,
Он мчался, от пылающих колес
Шатнулся Эмпирей, лишь Божий Трон
Не дрогнул. Бурей вторгся Он в ряды
Противников и десять тысяч молний
Десницею метал перед Собой,
Язвя их души. Изумленье, страх
Врагов объяли, мужество они
Утратили и прекратив отпор,
Ненужное оружие уронили.
Сын попирал шелома и щиты,
И головы Престолов, павших ниц,
И Серафимов мощных, в этот час
Мечтавших, чтоб на них низверглись вновь
Громады гор, от гнева оградив
Мессии, но густые тучи стрел
Неумолимо жалили и жгли,
От Херувимов четырех летя
Четвероликих, крылья и тела
Которых избытком очей
Усеяны и от колес живых,
Что тоже сплошь в очах. Единый Дух
Руководил очами, каждый зрак
На супостатов молнии метал
И опалял губительным огнем
Проклятых, отнимал остаток сил,
Мертвил их мужество, лишал надежд
И покидал простертых, бездыханных.
А Сын и половины не напряг
Могущества. Он молнии свои
Придерживал, поскольку не желал
Злосчастных истребить, но лишь изгнать
Из рубежей Небесных навсегда.
Подняв простертых. Он перед Собой,
Подобно козлицам, объятых страхом,
Теснящихся друг к другу, их травил,
Стрекая молниями и страха

Безмерной яростью, пригнал к стене
Хрустальной Неба, широко она
Посередине, свертываясь внутрь,
Отверзлась и открыла мрачный зев,
Чудовищный, зияющий провал.
При виде жуткой пропасти враги,
Охваченные ужасом, хотят
Бежать, спастись, но позади грозит
Погибель худшая, тогда стремглав
В пучину кинулись они с краев
Отвора, а за ними мчался вслед
В бездонной хляби жгучий, вечный гнев.

Ад грохот этот слышал, видел Ад
Небес паденье с высоты Небес
И трепеща, бежал бы, но судьба
Расположила слишком глубоко
Его опоры мрачные и к ним
Навеки слишком крепко пригвоздила.
Враги свергались девять дней, ревел
Смятенный Хаос, и его разор
И дикое бесправье возросли
Десятикратно, падающий сонм
Был столь огромен, что всему грозил
Крушеньем полным. Ад, в конце концов,
Их уловил в разинутую пасть
И проглотив, замкнулся. Вот жильё,
Заслуженное грешниками: Ад,
Пылающий негаснущим огнем,
Обитель горя и Гееннских мук!

Освободившись от бунтовщиков,
Возрадовалось Небо и стена
Хрустальная, соединясь опять,
Закрывает вмиг зияющий отвор.
Единый Победитель, разгромив
Противников, Мессия повернул
С триумфом колесницу. Рать Святых,
Безмолвных очевидцев славных дел
Воителя великого, ликуя
И осененная ветвями пальм,
Обратно двинулась, и стройный хор
Неисчислимых Ангельских чинов
Гласил победоносному Царю,
Наследнику и Господу хвалу,
Ему, достойнейшему из всех,
Державствовать. Вдоль Неба Он летел
В превозношенье общем, в торжестве,
К Святилищу на высоте высот,
К Престолу Всемогущего Отца,
Где Сын в сиянье славы принят был,
Воссев опять Блаженства одесную.
Так, воплотив Небесные дела
В земные образы, исполнил я
Твое желание, чтоб остеречь
Примером прошлого и рассказал
О том, чего вовеки род людской
Не ведал бы: о битве в Небесах
Великой, о раздоре, о войне
Междоусобной Ангельских Князей,
О грозном низверженье гордецов,
Что занеслись не в меру высоко
И возмутились, купно с Сатаной,
Который алчет гибели твоей

От зависти и хочет отвратить

От послушания, чтоб рядом с ним
Блаженства ты лишился и делил
Возмездие безмерность вечных мук.
Отраду он обрел бы, оскорбив
Творца, когда б успешно приобщил
Тебя к своим страданиям, Божеству
Отметив за поражение. Не внимай
Лукавым обольщеньям и жену
Слабейшую, чем ты, - предупреди,
И да послужит грозный сей пример
Расплаты страшной за непослушанье
Уроком. Твердо бы они могли
Стоять, но пали. Помня их судьбу,
Остерегайся преступить запрет!"